

ВИКТОРИЯ ВОЙЦЕК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В65

Художественное оформление
Марины Козинаки, Веры Голосовой

Войцек, Виктория.
В65 Тени леса : роман / Виктория Войцек. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 288 с. — (Ведьмин сад).

ISBN 978-5-17-109737-0

Самое интересное случается, когда удача отворачивается и беды одна за другой начинают сыпаться на голову. В этом неплохо разбирается бродячий музыкант Ишет Ви. Она несёт с собой ворох чужих историй и одну короткую — свою. Там тихий мальчик легко касается изнанки мира. Девочка с загадочными узорами на теле предназначена кому-то в жертву. Здоровяк, питающий слабость к человеческой плоти, на самом деле — добрейший друг. А молчаливый мужчина с древней книгой ведет их всех дорогой, известной лишь ему одному.

Слушайте!

Ведь кто знает, когда в следующий раз порог таверны переступит бродячий музыкант?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109737-0

© В. Войцек, 2017
© М. Козинаки, В. Голосова,
художественное оформление, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

По-прежнему тих одинокий дворец,
В нем трое, в нем трое всего:
Печальный король и убитый певец
И дикая песня его.

*Николай Гумилев.
Песня о певце и короле*

ПРОЛОГ

Шесть дней назад

О, господин, мой господин.

Ваша рука такая холодная, тонкая, пальцы с трудом сжимают мою ладонь. Ваше лицо бледно, точно заснеженное поле, а волосы, стоит провести по ним, ломаются и выпадают. Никогда раньше я не видела вас таким.

На столе догорает свеча. Порой страшно становится, что пропадет огонек, а вместе с ним — и вы, мой господин. Поэтому я и держу так крепко: отпустить не могу, ведь нет у меня никого, кроме вас. И никогда не было.

Как славно, что вы не читаете мысли, хотя раньше я думала, и это вам подвластно. Маленькая была, глупая. Верила во всякие небылицы и тряслась, когда вы рядом проходили: а вдруг узнаете, что я кувшин разбила, а вдруг накажете. Или вовсе казните. Как маму.

Но вы всегда были добры и прощали не только порченную посуду, но и порченые жизни. А их на моем счету немало, мой господин, уж вам ли не знать. Сколько бы вы меня ни учили, как бы ни пытались сделать мягче, я привыкла, что моя комната — на нижних этажах, там же, где темница, что руки способны ломать кости. А стальную чешую я люблю куда больше, чем платья.

Только с вами я позволяю себе улыбаться, не тускло, как во время приемов или на встречах с Советом, а по-настоящему. Только с вами я кутаюсь в шкуры животных так, что только ноги босые обезображенные торчат, и задаю вопросы — множество глупых и очень наивных вопросов, в ответ на которые прочие лишь отмахнулись бы.

— Члены совета хотели выпроводить меня из ваших покоев, господин, — говорю и не узнаю свой голос. Он низкий, хриплый, совсем чужой. Даже смех глухой, точно старая собака лаять пытается. — Потому что капитан стражи — не нянька. Только кто ж о вас позаботится, господин? Ужели они?

Сухие губы пытаются растянуться в улыбке, а я вижу, как по нижней трещина ползет, надвое рассекает. Стараюсь даже не хмуриться, но как же сложно это, когда хочется вовсе вскочить, подойти к столу, схватить чернильницу, а затем что есть силы в окно бросить. Кажется, что с ума схожу от бессилья. Ведь я помочь должна, мой господин. Но могу и лишь гладить вашу ладонь и иногда в огонь поленья подкидывать.

— Благодарю.

Вас почти не слышно. Слова пропадают в треске камина и шелесте листвы, который доносится с улицы. Но я понимаю и так, потому что боюсь пропустить нечто важное.

— Так не за что, — отвечаю и виновато голову опускаю, а затем и вовсе склоняюсь, чтобы прижаться лбом к вашему запястью.

Уж сколько раз в ваших покоях была, казалось бы, знаю, где и какая вещь лежит, но сейчас это место чужим кажется — холодным, мрачным, неприветливым. А еще здесь пахнет смертью. Я слишком хорошо знаю, как она пахнет. Была бы возможность — забрала бы вас отсюда к себе, где сыро и крысы бегают. Да вот только не поможет это.

Забавно, но даже из брюха чудовища диковинного три выхода есть, а у меня — только один: *жизнь за жизнь*. И если б моя сгодилась — отдала бы, не раздумывая. Но всё куда сложнее, запутаннее, как пряжа: ты тянешь за один конец, пытаешься размотать, но разве что

узел затягиваешь, который с каждым разом лишь туже становится. И вот, кажется, нашла решение. Только... никогда раньше мне не приходилось невинных убивать, даже если *смысл* всего их существования — быть убитыми.

— Ждать осталось недолго, мой господин.

Я вижу, как вы улыбаетесь, и невидимые пальцы горло сдавливают. Потому что раньше их, улыбок ваших, было много, и одна — когда вы поднимали свои густые белые брови и смотрели, точно на ребенка, с нежностью, — для меня. Сейчас все они одинаковые — слабые, вымученные. Но я всё еще благодарна, мой господин.

— Иди, — говорите и пытаетесь облизать сухие, потрескавшиеся губы.

— Я вытащу вас. Чего бы мне это ни стоило. — Надеюсь, вы не слышите, как дрожит голос.

— Иди, — произносите строже. Вы никогда не любили повторять.

— С вашего позволения.

Встаю и по привычке ударяю каблуками подкованных сапог друг об друга. Вам нужен покой, мой господин, я знаю. И без того уже сделала всё, что требовалось; мне незачем оставаться. К тому же давно пора спуститься в свою комнату. Понимаю, вы даровали мне поместье за верную службу, но я всё равно раз за разом возвращаюсь к холодным и сырым каменным стенам, к жесткой кровати и рассохшемуся ящику, который некогда заменял стул.

Нужно достать отвратительное белое платье, собрать волосы на затылке и смыть с лица начерченные сухой краской знаки. Время встречать богатых гостей. Они прибыли по вашему приглашению, мой господин, и вряд ли будут рады видеть меня, даже если я надену все подаренные украшения. Никакие побрякушки не

скроют привычки, не научат говорить мягче и учтивее. Я останусь всё той же, просто стану выглядеть иначе.

Разворачиваюсь на каблуках, направляюсь к двери широкими шагами и слышу, как с грохотом открываются окна, как бьются о стены, звеня стеклом. Холодный ветер, который до этого шумел в ветвях деревьев, влетает в покой. Он подгоняет меня в спину, пытается вытолкнуть за порог. Но я останавливаюсь и разворачиваюсь, чтобы закрыть окно и выдворить вон невидимого гостя.

Дрожащее пламя свечи изгибается в последний раз и гаснет. Я слышу щелчок. С таким смыкается огромная клыкастая пасть мрака, который за мгновение поглощает всю комнату.

Два дня назад

— Э-эй!

Голос прорывается сквозь сон, зовет, но не по имени. Кто-то, возможно, очень важный, пытается пробиться через пелену, но боится. Это заметно по дрожи, которая становится куда явственнее, когда человек — кажется, молодая девушка, — произносит больше одного слова.

— П...проснись, п...пожалуйста!

Она запинаяется и, понимая, что разговоры не действуют, трясет за плечо. У нее тонкие холодные пальцы с огрубевшими подушечками и очень острые ногти — они впиваются в кожу, когда рука замирает.

— Ты что делаешь? — шипит Самриэль и смахивает ладонь.

Не на такое он рассчитывал, очнувшись, после того как провалялся без сознания... а сколько он, собственно провалялся? И не знает даже. Но он хорошо помнит пещеру и пляшущий на стенах огонь, помнит, как сложно было дышать, когда на шее сомкнулось железное кольцо. А еще помнит тень у края леса: ее, освещенную

вспышкой молнии, он увидел, прежде чем получил удар чем-то тяжелым по затылку. Тогда Самриэль усмехнулся: и что за безумец решил сунуться во временное убежище работоторговцев?

Сесть получается с трудом. Голова кажется тяжелой и какой-то чужой; приходится придерживать руками, чтобы она не свалилась на грудь. Тогда Самриэль замечает на запястьях уходящие под рукава бинты. Паника, зародившаяся в груди липким комом, поднимается к горлу, застревает там. Пальцы хватаются за перепачканную, некогда белую ткань и пытаются оттянуть в сторону, но она прилегает слишком плотно.

— Всё в порядке, — успокаивает его всё тот же негромкий голос. Он говорит медленно, словно боится споткнуться об очередное слово, как о камень на дороге. — У тебя очень слабые руки. Тонкие. Женские.

Последнее человек произносит ласково, но легче от этого не становится. Самриэль проводит по запястью, чувствует шишку, которая была и раньше, только стала чуть больше, и понимает, что незнакомая девушка, на которую он всё еще не решается поднять глаза, попросту решила позаботиться. Только ведь никто об этом не просил. Да и откуда ей знать, как будет лучше? Самриэль пытается снять бинты, но его руку тут же накрывает маленькая белая ладонь, и шероховатые подушечки пальцев при каждом движении приятно царапают кожу.

— Не трогай, — просят его.

Когда Самриэль тянется, чтобы коснуться тонкой бледной кожи, девушка отшатывается. Она маленькая — наверняка едва ему по грудь — и кажется еще меньше из-за широкой рубахи, доходящей почти до колен. Тяжелое меховое одеяние без рукавов давит на хрупкие плечи, и Самриэль невольно задается вопросом: неужели

такая — тонконогая, худая, нескладная — смогла дотащить его сюда?

Девушка теребит спутанные волосы, концы которых выкрашены в синий и напоминают надтреснутый лед на озере. *Ирр*, жители леса с небольшими заостренными ушами, порой любят украшать себя подобным образом. Цвет не держится и Половину, довольно быстро блекнет, а потому его можно менять часто. Самриэль всегда считал это занятным, но бесполезным, особенно если со стороны ты смотришься так, будто недавно отпугивал птиц на полях.

Незнакомка опускает голову, ведет ладонями по прядям, пытаясь спрятаться за ними. Самриэль улыбается, хоть и не может избавиться от бегающих по коже мурашек. Девушка выглядит... ненастоящей, *бесцветной*. Как статуэтка, которую зачем-то обрядили в мешковатую одежду. У нее белая кожа, белые волосы, даже глаза — белые. А потому так заметен алый след на губах, когда по неосторожности девушка прикусывает их до крови.

— Почему ты прячешь свое лицо? — спрашивает он, нарушая слишком уж затянувшееся молчание.

— А почему ты не прячешь свое?

Она касается рукой щеки и кивает, явно говорит об уродующих Самриэля ожогах, про которые тот с радостью забыл бы, если бы мог.

Ни один из них двоих не собирается отвечать. Девушка, сунув руку под накидку и ссутулившись, разворачивается и идет к столу. Непривычно ей видеть в маленьком домике гостя, наверняка. Здесь места — на одного человека, а жесткая кровать явно рассчитана на небольшой рост *ирр*. У Самриэля затекают ноги. Он отворачивается к стене, затем вновь перекатывается на спину. Но жаловаться на свое положение той, которая

совсем недавно спасла или от верной гибели, или от чего похуже, глупо.

В низенькой печке трещат поленья, отчего Самриэлю начинает казаться, что он *дома*. Там, куда он не сможет вернуться, даже если очень сильно захочет. Он слишком многое пережил и, если придет назад, значит, признается самому себе (да и остальным), что не выдержал. А значит, и братья, и отец говорили верно: уж слишком любила его покойница-мать, растила под стать себе — комнатный цветок, красивый, но бесполезный. Пламя, которым опалили лицо Самриэля во время одного из поединков, изменило первое. Теперь осталось как-то справиться со вторым.

— Как тебя зовут? — вновь доносится дрожащий голос девушки.

— Самриэль Антахър.

Она хихикает. Поначалу кажется, будто подавилась чем-то, но стоит повернуть голову, — и Самриэль видит тронувшую губы улыбку.

— Как в песенке.

Так и есть. Уходя из дома, он оставил там не только многие вещи, но и имя. А как новое потребовалось, взял строчку и переименовал, чтобы звучало интереснее.

Как зовут незнакомку, Самриэль не спрашивает: имена ирр пустые, короткие, не запоминающиеся. К тому же он намеревается в скором времени покинуть как этот дом, так и его не слишком общительную хозяйку. Даже если она затребует что-то за спасение. Ведь что, в конце концов, можно взять с Самриэля, кроме него самого?

— Как в песенке, — подтверждает он и тут же слышит очередной вопрос:

— Откуда?

Девушка убирает свои волосы, пытается собрать их в хвост или стянуть в узел, но пальцы путаются в длин-

ных неровных прядях. Она не собирается говорить дальше. Самриэлю кажется даже, что известные ей слова попросту закончились, а потому она расстегивает круглые коричневые пуговицы на воротнике, отводит в сторону грязную белую ткань и касается шеи. Девушка интересуется тяжелым железным кольцом, которое практически не видно за черной накидкой.

— Это? — Самриэль лезет под одежду и пытается нащупать толстую цепь, но от нее осталась лишь пара звеньев. Каким-то образом малышке ирр удалось разорвать ее. — От работорговцев.

Наверное, в глазах девушки Самриэль — очередной дурак, которому стоит найти дело попроще и даже не думать о том, чтобы выходить за пределы родного селения, раз уж не может за себя постоять. Когда она интересуется, чем занимается Антахар, и узнаёт, что он состоит в гильдии охотников за головами, то звонко смеется. Ирр задыхается, хватается руками за живот, но не может остановиться. Самриэлю остается лишь стиснуть зубы. Потому что он не может сказать ничего в ответ.

У него так и не вышло покинуть тóу, уйти далеко от дома. Возможно, прав был отец. И эта бледная коротышка — тоже права.

— Сама-то чем живешь? — бросает Самриэль.

Быстрым движением указательного пальца девушка смахивает едва заметную слезинку и выдыхает. Она фыркает, но прикладывает все силы, чтобы не расхохотаться снова: и без того гость раскраснелся настолько, что готов вот-вот воспламениться и обратиться в пепел.

— Служу хозяину. — Ирр поправляет сползшую с плеча накидку и мнетя на одном месте: нынче как стемнеет, прохладно становится, и непонятно, чего она стоит босая, в одних обмотках, трясется.

— И кто же твой хозяин?

Пол скрипит, когда она отступает и резко разворачивается.

— Оружие никогда не назовет тебе имя своего владельца, — звучит дрожащий голос, и девушка тянет руки к печи.

Самриэль надеется лишь на то, что этот самый *хозяин* не имеет на него никаких планов, и девушка помогла по одной ей известным причинам. Быть может, она просто посочувствовала попавшему в беду. Быть может, кто-то когда-то не спас ее саму.

— Ты не был моей целью. Хозяина интересовали те, кто схватил тебя. Никто не имеет права засматриваться на его товар, — отвечает на так и не прозвучавший вопрос ирр и протягивает нагретшуюся кринку. — Пей. Это теплое молоко.

Самриэль вдыхает такой знакомый запах и греет ладони. Ему всё еще не понятно, зачем девушка не только освободила его, но и каким-то чудом дотащила до скрытого в лесах покосившегося домишки. Ведь если ей не нужен был Антахар, ничто не мешало оставить его там, в пещере. По крайней мере, он поступил бы именно так.

— Но мне стало тебя жалко.

Она опускается на корточки рядом с кроватью, упирает острые локти в колени и прижимает кулаки к щекам: следит. Самриэль не видит при ней оружия, но раз ей не составило труда разделаться с несколькими противниками, то один уж точно не представляет опасности. Поэтому ирр так спокойна. Она пытается проявить заботу, показывает спину и может позволить себе сидеть близко, покачиваясь из стороны в сторону так, что кажется, будто вот-вот завалится на бок.

Стало жалко. Как вещь, которую выбросили, хотя можно было еще пользоваться и пользоваться. Как потерявшегося в лесу малыша.

— Не любишь молоко? — Девушка наклоняется вперед и упирается руками в кровать. Белые, кажущиеся пустыми глаза смотрят испуганно.

— Люблю. Просто пить не хочется.

— Умрешь тогда.

Она несколько раз пружинит на согнутых ногах, а затем резко встает. Антахар следит за каждым движением ирр, хмурится и опять думает о том, какая же она маленькая, совсем еще ребенок.

— Так мама говорит. — Девушка поджимает губы и кладет ладонь на черные волосы Самриэля. Он успевает сделать лишь глоток, после чего давится.

Мама говорит.

Ей бы дать тряпичную куклу в руки, сменить эту ужасную рубашку на длинное платье и пустить бегать с другими детьми, играть. Но вместо этого ирр исполняет приказы того, кого зовет хозяином, и живет в отдалении от всех, в лесах.

— Как ты меня сюда принесла? — наконец интересуется Самриэль и вытирает кулаком губы.

— Волокушу сделала, — объясняет девушка и машет рукой на дверь: там осталось несколько больших веток. — Связала лапки еловые.

Она говорит так легко, словно это забава какая — из беды калек выручать. И ведь нашла, как Антахара до дома дотащить, как уложить на низенькую кровать. А может, помогал кто-то?

— Одна живешь?

— С мамой. — Девушка снова прячет лицо за волосами и улыбается, поджав губы. — Мы маленькие, нам одной кровати хватает.

В груди что-то щемит. Самриэль хватается за накидку, сжимает ее пальцами. Не хватало начать жалеть малышку, которая, в отличие от него, довольно легко

справляется в одиночку. Ведь это на него надели ошейник, его приковали так, что колени до сих пор болят, и кормили одними обедками, если вообще кормили. И это он, как оказалось, комнатное растение, диковинный цветок в кадке, который помрет, когда снег выпадет и холодный ветер пробьется в помещение через щели в окнах.

Антахар боится покинуть тоу. Уже сколько времени пытается, но вновь к столице тянется. Ведь не знает, что ожидает *там*, за пределами, здесь же привычно все. Он помнит каждую дорогу. Только и это не всегда спасает. Даже когда подходит к границам — что-то не отпускает, и он разворачивается и поднимает сапогами пыль.

Девушка же легко очерчивает для себя границы, а если не понравится — и вовсе стирает. Пускай она младше, меньше, а голос время от времени дрожит, — ее не пугает неизвестность. По крайней мере, пугает не так, как общение с незнакомым человеком.

Самриэль припадает к кринке и жадно пьет, пытаясь восстановить силы, которых почти не осталось. Не те, что позволяют крепко стоять на ногах и преодолевать большие расстояния. Не те, что помогают удерживать оружие. *Другие*. Такие почти невозможно почувствовать, но Антахар знает точно: их нет. Иначе он не лежал бы на неудобной низенькой кровати и не вел бы бесед с ирр.

— И где сейчас твоя мама?

— Если хочешь прирезать меня, — не выйдет, — вдруг невпопад отвечает девушка. Уши начинают слабо подрагивать, когда она смеется. — Меня научили слышать и видеть.

— Почему ты считаешь, что я хочу тебя убить? — От ее звенящего голоса он вздрагивает.

— Ты думаешь, я затребую что-то за спасение. А тебе и дать-то нечего.

